

ских же кораблях. Разве в таком случае была бы надобность Тутмесу III перед походом на Нахарин строить на сирийском берегу корабли для плавания по Евфрату?—гораздо проще было бы перетаскивать готовые сирийские корабли.

Только однажды анналы Тутмеса III (от 29 г.) сообщают о захвате двух сирийских кораблей, причем—и это весьма характерно—все внимание записи уделено не описанию кораблей, а их грузу.

Возможность для развития значительного сирийского мореплавания появляется только в конце XVIII династии, когда внимание Египта было поглощено внутренними делами; именно после этого периода, полагает автор, египетский флот в восточном Средиземноморье утрачивает свое бывшее значение.

Последняя глава, посвященная организации флота и его составу, строится главным образом на разборе званий, которые носят моряки. Скучность сведений лишила автора возможности дать сколько-нибудь связанную картину организации флота, равно как социальную характеристику его личного состава. Тем не менее ему удалось сделать некоторые любопытные наблюдения. К их числу относятся сведения о специальной одежде гребцов, приспособленной к их обязанностям, разрозненные данные о численности экипажа кораблей, наличии собственных флотилий у разных храмов и ведомств и др. Наиболее же интересны приведенные данные о том, что гребцы и низшие офицеры флота получали за свою службу земельные наделы, остававшиеся в семье в том лишь случае, если после смерти отца морскую службу нес его сын. Только в исключительных случаях, в силу особого царского указа, морской офицер, переходя на гражданскую службу, сохранял свой надел.

Таковы основные положения разбираемой книги. Досадно, что автор не посвятил особой главы разбору технических особенностей египетских кораблей: это подтвердило бы его утверждения о самобытности египетского мореходства.

Проф. И. М. Лурье

ERIK IVERSEN, Two inscriptions concerning private donations to temples. Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskrab, Historisk-filologiske Meddelelser, XXVII, 5. Köbenhavn, 1941.

Обе надписи, явившиеся предметом исследования автора, уже известны в науке¹, однако они до сих пор оставались неизученными.

Первая из них, стела Каирского музея № 45327, относящаяся ко времени Осоркона II (XXII дин.), содержит текст дарственной на земельный участок в 42 *ртп* (несколько больше 4,2 га). Дарение облечено в форму соглашения между дарителем и богом: последний путем оракула выражает свое согласие на предлагаемое дарителем условие—обеспечение «вечного» заупокойного культа в вознаграждение за передаваемый храму земельный участок.

Вторая надпись—на копенгагенской статуе—датируется временем Псамметиха I (XXVI дин.) и содержит обращение к жрецам, в котором им напоминает о том, что они должны приносить жертвы и молиться за владельца статуи, ибо он подарил храму для этой цели 60 арур земли (около 16 га).

Автор в своей работе воспроизводит тексты обеих надписей, исправляя при этом допущенные в прежних изданиях ошибки, дает перевод этих трудных, вследствие лапидарности, текстов и комментирует отдельные встречающиеся в них выражения и термины.

¹ Стела Каирского музея № 45327 издана G. Daréssy в «Annales du Service des Antiquités de l'Égypte», т. XV (1915), стр. 141 сл.; Надпись на статуе Копенгагенской Glyptotjek Ny Carlsberg E. 78 издана O. Koefoed-Petersen, Recueil des Inscriptions Hiéroglyphiques de la Glyptothèque Ny Carlsberg, «Bibliotheca Aegyptiaca», VI, Bruxelles, 1936, стр. 13.

Обе надписи интересны сами по себе, но большую ценность они имеют, будучи сопоставлены с остальными дарственными документами, ибо в этом случае они становятся частью того важнейшего материала, на основании которого возможно изучение древнеегипетского землевладения, остающегося до сих пор по сути дела неизученным. Автор, однако, отказывается от рассмотрения указанной проблемы.

В работе дан перечень всех известных автору дарственных стел. Он правильно связывает назначение зафиксированных в них земельных дарений с более древними учредительными документами Древнего царства и договорами Сиутского номарха Среднего царства со жрецами заупокойного культа. Автор прав, когда, задумываясь над тем, почему на издаваемой им стеле Каирского музея, помимо дарителя, перед богами изображен фараон, находит объяснение этого в том, что царь рассматривался «теоретическим собственником всех земель Египта». Затрагивает автор и некоторые иные второстепенные вопросы, как-то: формулу дарения и термин, обозначающий дарение, для уяснения которых он привлекает данные нескольких дарственных. Он касается спорного в науке вопроса, где ставились стелы с высеченными на них дарственными: были ли они вотивными стелами, стоявшими в храмах, или служили межевыми плитами, и склоняется к этой последней точке зрения. Мне же думается, что правильны обе точки зрения, так как некоторые стелы безусловно ставились в храмы, тогда как другие, конечно, служили межевыми знаками. Последнее подтверждается не только двумя одинаковыми стелами, найденными в Абу-Симбеле, на которых основывает свое мнение Иверсен, но и тем обстоятельством, что нижняя часть некоторых стел оставлена свободной от надписей: это указывает на то, что такие стелы изготовлялись для того, чтобы их вкапывали в землю. То обстоятельство, что на границах земельных участков действительно ставились межевые камни, с очевидностью показывают древнеегипетские росписи, изображающие измерение полей: на некоторых из них видны межевые стелы.

Следует учитывать некоторые дефекты работы Иверсена. В автографии текста Каирской стелы, которую он дал в своей работе, имеются ошибки (например, в строках 2, 4 и 7), почему на нее и не следует полностью полагаться. В ссылках имеются описки, ошибки¹ и пропуски. Перечень дарственных стел, состоящий из тридцати пяти номеров, вопреки надежде автора, далеко не полон—к нему можно добавить, по меньшей мере, еще десять аналогичных документов, известных уже в литературе.

Несмотря на эти недостатки, работа Иверсена, содержащая критический перевод двух надписей может быть использована при изучении проблемы земельных отношений в Египте.

Проф. И. М. Лурье

WALBANK, Philip V of Macedon. Cambridge, 1940.

Рецензируемая книга Уолбенка занимает особое место в ряду новейших работ по истории эллинизма в период проникновения Рима в Грецию. Посвятив свое исследование деятельности предпоследнего македонского царя Филиппа V, автор поставил себе целью дать историю царствования Филиппа «не только как действующего лица в истории римского империализма, но и с точки зрения самой Македонии».

Исследование Уолбенка отнюдь нельзя считать только биографией Филиппа V. Его книга не ограничивается историей личных успехов и неудач македонского царя. Уолбенк излагает конкретный исторический материал, связанный с жизнью и дея-

¹ Так, например, в стеле Каирского музея 31653 в перечне стел (порядковый № 8) указано, что она издана в «Annales du Service des Antiquités de l'Égypte», т. 18, стр. 52—53, тогда как на самом деле она издана в «Recueil de Travaux», т. 18, стр. 52—53. В том же перечне (порядковый № 11) ошибочно указан номер стелы: ее номер 4680 (а не 41670), и издана она на стр. 192 (а не 7).